



Иван Алексеевич Бунин

С В Ы С О Т Ы

Содержание

#1	0005
Комментарии	0010

Иван Алексеевич Бунин
С ВЫСОТЫ

Я был на Ляй-Лю[1], на перевале по пути на север. Стояла весна — середина апреля.

Все утро в горах дремал густой туман. В грязной корчме на перевале я выпил кислого красного вина на прощанье с югом и отдохнул, пока перепрягали тройку. Было сыро, холодно и сумрачно. Все тонуло во мгле, пронесившейся по ветру мимо окон, и воображению невольно рисовались осенние сумерки, пастухи, проводящие здесь почти всю свою жизнь среди облаков и свиста горного ветра, овцы, робко жмуцщиеся друг к другу в загонках... Невольно закрадывалась в душу серая, как это утро, скука — и вдруг туман стал розоветь и таять, в мглистой вышине просветлело. Предчувствие тепла и солнца сразу оживило все, а в небесах, в тающем дыму, уже обозначилось что-то радостное, нежное. Оно росло, ширилось — и внезапно засияло божественной красотой лазури. В величавом храме дикой и пустынной природы, которая окружала меня, проглянул небесный купол, но еще долго реяла по Ляй-Лю рассеянная мгла, еще долго, как жертвенники, курились зубчатые утесы над стремнинами, пока не

блеснуло, наконец, солнце. И тогда от тумана не осталось и следа, голубое небо засияло над горами во всей своей необъятности, далеко зазеленело в чистом и прозрачном воздухе волнистое плоскогорье и далеким миражем вырисовались за ним нежно-четкие фиолетовые вершины, уходящие друг за другом к востоку. Ветер тянул с севера, но он был ласков, весел, и, опьяненный солнечным теплом и ветром, я быстро пошел к обрывам, чтобы взглянуть в последний раз на море.

Исполинская дымчатая тень в радужном ореоле пала от меня в зыбкий пар под обрывом; бесконечная волнистая равнина сгустившихся облаков, целая страна белых рыхлых холмов развернулась перед моими глазами, и я остановился, пораженный хаотическим величием этой картины. Вместо глубоких стремнин и обрывов, вместо далеких зеленых побережий и заливов я увидел необозримый океан белых застывших волн, сияющих под солнцем, необозримый облачный слой, повисший над морем и к востоку, и к югу, и к западу. И вся сила моей души, вся печаль и радость — печаль о ней, которую я так мучи-

тельно любил тогда, и безотчетная радость молодости — все ушло к горизонту, туда, где за последними гранями облаков, высоко в небе, синело далекое, далекое море.

«Прости! — мысленно сказал я ей всей моей душой. — И ты любила бы меня, и ты простила бы меня, как прощаю я тебя за все мои страдания, но тайна жизни разлучила нас, тайная сила, не дающая нам заглянуть в душу друг друга с высоты — в наши лучшие минуты. А лучшие минуты моей любви к тебе — моя печаль о тебе вдали от тебя, моя радость, что и в печали, и одиночестве, и в страданиях я люблю — и прощаю тебя!..»

Колокольчик однообразным дорожным напевом говорил о долгом пути на родину, о том, что прошлое — отжито, о том, что впереди — новая жизнь, новая весна, весна севера. Старая дорожная коляска, старая почтовая тройка, фигура ямщика-татарина на высоких козлах рядом с увязанными чемоданами, дружный топот копыт под несмолкающий плач колокольчика, бесконечная лента шоссе... Еще долго я оборачивался и глядел на сизые зубцы скал, вознесшихся над обрывом к

югу и вырезавшихся на фоне пустого голубого неба, где черной точкой реял орел... Потом все это мелькнуло перед глазами еще раз — и скрылось. Тройка с дружным топотом копыт, с заливающимся звоном колокольчика пока- тилась снова в долины, чтобы катиться так все ниже и ниже, все дальше и дальше от перевала, возрастающего и уплывающего в небо, все глубже и глубже в лесистые живо- писные пропасти...

Но еще долго глядел я в эти пропасти с вы- соты, еще долго и душа моя была на высоте.

Здесь, в этих безмолвных горных долинах, еще царила красота и тишина первых весен- них дней, безоблачно-прозрачного голубого неба, черных сучьев деревьев, прошлогодней коричневой листвы, слежавшейся в кустах, первых томных подснежников и диких тюль- панов. Здесь еще только что начинали зеле- неть горные скаты, здесь все отдыхало, толь- ко что освободившись от снегов и бурь дол- гой темной зимы, и все было кротко и задум- чиво, как девушка, впервые замечтавшаяся о жизни, о счастье, о будущем. Здесь еще хру- стально-чист и свеж был воздух, как бывает

он чист и свеж только ранней весной и — на высоте.

Но мертвое молчание гор окружало меня. Как всегда в лучшие мгновения моей жизни, я был один. И если бы я заплакал горячими слезами страстной скорби, никто бы не увидел моих слез. И если бы я крикнул — дико и весело, как молодой орел — от страстной радости жизни, никто не ответил бы мне на этот крик, кроме звонкого и жуткого голоса природы — горного эха.

1904

Комментарии

Журн. «Правда», СПб., 1904, № 1, январь. Печатается по тексту журнала.

Примечания

1

То есть в южной части Крымских гор.

[^^^]